

Папа *для юного*
Александра **Дракона**
Тусарова

Александра Гусарова

Папа для юного дракона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68531289

SelfPub; 2022

Аннотация

Марьяна Розенталь, вопреки общественному мнению, стала матерью-одиночкой и назвала ребенка именем погибшего жениха, что вызывало море слухов среди жителей Орбурга. А еще малыш вдруг стал проявлять наличие признаков огненной магии высшего порядка, когда умерший лорд Родвэй был слабым воздушником. И совсем непонятно, зачем к женщине с ребенком вдруг проявил интерес завзятый холостяк и жуткий урод герцог Гольденброук, который сам практически магией не владел. Это странная любовь или какой-то злой умысел?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	45
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Александра Гусарова

Папа для юного дракона

Глава 1

– Кошмар, вы слышали? Графиня Розенталь решилась на невысказанное и стала матерью-одиночкой! – мадам Шмолочич трясла своими седыми кудельками, прикрытыми черной мантилей. А вместе с ними тряслись ее толстые губы и нависший второй подбородок. – Неслыханная дерзость!

– Милая, разве любовь может быть чем-то невысказанным? – улыбнулась ей в ответ старуха Ардон, прикусывая в левом уголке рта свою неизменную трубку с табаком. – Подумаешь, девушка влюбилась, отдалась возлюбленному и получила чудесный подарок.

Все дамы, которых называли Орбургским обществом, присутствующие сегодня в салоне мадам Шмолочич, замолчали, прислушиваясь к диалогу двух авторитетных сплетниц.

– Я бы могла, конечно, ее понять, если бы они с возлюбленным, – последнее слово было произнесено хозяйкой салона с изрядной долей ехидства, – планировали пожениться. Но такое не произойдет никогда!

– Да? – густые седые брови Ардон взметнулись вверх, а

крючковатые пальцы сильнее сжали толстую клюку, стоящую перед мадам. Даже трубка перекечевала в стоящую на столе пепельницу. Она что-то слышала об этой паре, но в силу возраста в подробности уже не вдавалась. – А почему? Девушка из древнего рода. Правда, говорят, что папаша промотал все ее приданое. Но для истинной любви отсутствие денег не помеха. Или там с женихом проблемы? Хотя она уже совершеннолетняя и от родственников не зависит.

– Или он уже женат? – влезла в разговор мадам Принст. Она была похожа на долговязую цаплю с длинным клювом вместо носа, возвышающуюся над разговаривающими. И этот длинный клюв-нос совала во всевозможные дырки.

– Как, вы не слышали? – Шмолович многозначительно фыркнула. – Она же была помолвлена, а некоторые слухи сообщают, что даже успела выти замуж за Вереса Родвэя.

– И что? – практически в унисон поинтересовался весь бомонд, собравшийся вечером в доме Шмоловичей.

– Как что? – дама даже покраснелась от осознания важности новости, которую сообщала, – Верес же погиб в последнем сражении со скихами. И теперь никто и никогда не докажет, что это его ребенок. А эта дурочка, если и вышла за него замуж, то зачем-то оставила свою фамилию!

Данный факт был немаловажным в юриспруденции Орбурга. По законам древнего города фамилия рода давала право на наследство отца. Конечно, другие родственники и претенденты на богатства могли его оспорить в суде. Но бы-

вали случаи, когда матерям удавалось выиграть процесс и получить деньги и недвижимость в свое безраздельное пользование, пока юный наследник или наследница не достигали совершеннолетия. И было странно, что Марьяна Розенталь так не сделала.

Этим вечером не только в салоне мадам обсуждали такую пикантную новость. Гудел весь Орбург. Не часто аристократки решались на подобный шаг, а если и решались, то прятали свои грехи в какой-нибудь порядочной крестьянской семье.

А графиня Розенталь даже не подозревала, какую бурю слухов породил ее поступок. И сейчас, лежа в кровати в общественной бесплатной клинике, счастливо прижимала к себе крохотный комочек, который мирно почмокивая сосал материнскую грудь. У нее исполнилась мечта и появился смысл в жизни, который она успела потерять со смертью Вереса.

***

Спустя два года.

Юный наследник графства Розенталь истошно орал, не давая матери и хозяйке обширного поместья заняться своими делами. Она наивно думала, что после года станет легче.

– Ребенок подрастет и станет более осознанным и послушным, – обещали ей знакомые мамочки и профессиональные няньки.

Но не тут-то было. Достойный отпрыск славного рода отличался по истине не графским упрямством. Сегодня ма-

ленький Верес требовал от матери кусок сладкого торта, который она имела глупость вовремя от него не спрятать. А он умудрился засунуть в крем свой вездесущий пальчик и с удовольствием его облизать.

Но доподлинно известно, что сладкое вызывает преждевременный выброс магии. А для ребенка двух лет это смертельно опасно. Особенно, когда магия грозит развиться в огненную. Мальчик катался по полу, бил ногами и истерично кричал.

Отчет о доходах и расходах в поместье тоже не терпел отлагательств. Она хотела с управляющим встретиться, пока сын спит. Проблема была в том, что графство Розенталь, доставшееся ей по наследству от матушки, находилось на грани разорения. И если прямо сейчас не принять никаких мер, оно может уйти с молотка за долги. И тогда несчастной женщине придется выходить замуж. И не по любви, как она когда-то мечтала, а по расчету за тугой кошелек. Даже кандидат был – барон Вишлес.

Марьяна, вроде бы и не была снобом, но союз с бароном считала унижительным шагом на иерархической лестнице. Или это был лишь предлог? Скорее он ей не нравился как мужчина. Слишком сальный взгляд, слишком короткие и толстые пальцы, слишком солидный животик и три волосинки на лысинке. Слишком много слишком со знаком минус. Его недостатки она могла перечислять долго, мотивируя себя тем, что ищет достоинства, которых так и не находила.

И сейчас душераздирающее:

– Мама, дай ням-ням! Вере дай нянм-ням! – терзали женщине душу и сердце. Но, во-первых, он недавно поел. А излишнее питание могло спровоцировать ожирение. А во-вторых, Марьяна решила проявить твердость характера, так как была у юного графа и за маму, и за папу.

– Граф Верес, прекратите истерить! – лицо женщины стало серьезным, даже строгим, голос посуровел. Она возвышалась над малышом как скала, сложив руки в замок перед грудью.

Мальчик на какое-то мгновение перестал кричать, посмотрел на мать хитрым взглядом, моргнул, хлопнув длинными рыжими ресницами, пока еще совершенно сухими. Но не успела она выдохнуть от облегчения, как тот заревел, теперь уже по-настоящему, извергая целый водопад слез и скорбно складывая свои пухлые губки.

– Пойдем, я тебе книжку прочитаю! – мать решила переключить внимание ребенка на что-то другое. Книжки Верес обожал и мог слушать часами. А она тем временем привела его в кабинет, сообщив управляющему, что встреча сегодня пройдет втроем. Управляющий хоть и поморщился, но промолчал.

Верес был очень крупным и рослым малышом. Кто не знал его истинный возраст, давали ему три или даже четыре года. Только умом он был ровно на свои два.

Верес Родвэй, предполагаемый погибший отец ребенка,

не был высоким мужчиной, скорее среднего роста. И волосы его хоть и были рыжими, но имели совсем другой, морковный оттенок. А кудряшки мальчугана отливали цветом старой меди. Но так как фамилию он носил Розенталь, вопросов брюнетке Марьяне никто не задавал.

Честно говоря, женщина уже не раз пожалела, что решилась на такой шаг. Растить мальчугана в одиночку было крайне сложно. Ей нужна была помощница, а лучше муж. На помощницу банально не было денег, а муж? Кому она нужна, как говорили в народе, с прицепом? Мужья стремились правдами и неправдами заполучить своего собственного наследника. А Вересу светило лишь полуразоренное графство. И лишь Вишлес мечтал шагнуть вверх по титулярной лестнице.

Но при всем при этом сынишку Марьяна очень сильно любила. И несмотря на свои же жалобы и причитания, доведись ей повторить этот путь, прошла бы его снова.

Чтобы сын не мешал разговору, она вместо обещанной книжки, поставила перед мальчиком тарелку каши. Ребенок был очень общительным и добрым. Он никогда не жадничал и всегда делился игрушками с редкими гостями. Но все, что касалось еды делало из него эгоиста. Складывалось впечатление, что юный граф все время ходит голодным. Поэтому Марьяна рассчитывала минут на пятнадцать тишины. С ложкой малыш управлялся пока еще очень хорошо и обычно ел долго.

Только сегодня что-то пошло не по плану. То ли он обиделся, что книжку ему никто не почитал. То ли чечевичная каша решительно не понравилась и не прошла сравнения с тортом. Пока управляющий раскладывал свои талмуды на столе с другой стороны от мальчика и негромко беседовал с хозяйкой, Верес, на которого взрослые какое-то время не обращали внимания, соорудил солидную такую горку из каши на столе. И в момент, когда его мама произнесла:

– Мартин, я бы хотела послушать ваши предложения по улучшению работы наших арендаторов! – малыш с криком «Бабах!» прихлопнул ладошкой свое сооружение, посылая заряды каши во все стороны, испачкав и маму, и управляющего, и важные бумаги по ведению хозяйства.

Мартин на разговор в присутствии малыша согласился, скрипя зубами. Он был убежденным холостяком и малышей терпеть не мог. Поэтому после «обстрела» психанул, вскочил на ноги и со злостью смахнул бумаги на пол со словами:

– Да катитесь вы со своим помещьем! – и выскочил из кабинета, даже не попросив причитающегося ему жалования. А Марьяна поняла, что осталась с проблемами опять один на один.

А утром нарисовалась еще одна неприятность. К Марьяне явилась неожиданная гостья. В Орбурге все знали, что старуха Ардон не имела привычки предупреждать о своих визитах и являлась как снег на голову.

– Чем обязаны? – графиня встретила гостью неприветли-

во. Ничего хорошего от старой сплетницы она не ждала.

– Я могу пройти? – Ардон подняла на женщину свои мутные глаза. – Не бойся, графинюшка. Я с добром пришла.

Даже если бы старуха пришла ее грабить, она бы все-равно пустила бы ее на порог. Мешало проклятое воспитание и осознание, что старость нужно уважать. А Ардон имела самый солидный возраст из Орбургских кумушек. Марьяна пропустила ее в холл и предложила присесть в глубокое кресло, стоявшее у стены. А сама застыла напротив, не понимая, что нужно незваной гостье. Та, тем временем достала свою неизменную трубку откуда-то из кармана, собираясь прикурить.

– Простите, – кашлянула хозяйка дома, – у нас в доме маленький ребенок, поэтому мы не курим в помещении.

– Пардоньте, – вздохнула Ардон и спрятала трубку обратно. – Я чего пришла-то...

Она неловко начала разговор, словно сама стеснялась своего визита.

– Сплетни о тебе, голубушка, ходят разные. Я вот решила своими глазами посмотреть и решить, где правда, а где ложь.

– Посмотрели? – мрачно отозвалась Марьяна и выразительно глянула на входную дверь, намекая, что старуха может уходить.

– Посмотрела, – криво усмехнулась гостья, привычно потянувшись к трубке. Но поняв, что ее нет на месте, со вздохом опустила руку на колено. – Я чего пришла-то, – начала она снова свою песню. – Жить мне осталось мало. Нужно

добрые дела копить, иначе гореть мне в гиене огненной. Нагрешила я за свою жизнь не мало. Чем я могу тебе помочь?

Марьяна усмехнулась в ответ. Что она могла сказать? Ей нужны были деньги. Много денег. И она прекрасно решила бы все свои вопросы и проблемы. Только Ардон тоже никогда богатством не славилась. Тяжелым неуживчивым характером да. Язвительным языком и своеобразными оценками происходящего пожалуйста. Даже в няньки она не годилась в силу возраста. Юный Верес моментально загонял бы бабушку-добровольцу до смерти.

Графиня Розенталь попыталась озвучить это все, облекая мысли в более мягкие и правильные формулировки.

– Да, денег я тебе точно не дам! – фыркнула старуха. – Но найти объемный кошелек, готовый платить за твою молодость и красоту помогу.

Марьяна хотела с ходу отказаться от столь щедрого предложения. Только старуха подняла в верх руку, останавливая ее тираду:

– Обожди, не торопись! – покачала она головой. – Насильно тебя никто ничего делать не заставит. А вдруг мой план и правда сработает. И жизнь твоя наладиться как по волшебству?

– По волшебству? – невесело рассмеялась женщина. – Какое волшебство в мире практической магии? Я в чудеса не верю.

– И все же ты старуху выслушай, – гостыя покачала голо-

вой. – Мы давно числимся со старухой Шмалович заклетыми подругами, – начала свои объяснения Ардон. Марьяна лишь усмехнулась на ее слова. Шмолевич лет на десять, а то и на пятнадцать была моложе гостыи. – Она в ближайшие выходные решила организовать бал для своей правнучки. Девушка давно засиделась в девках. И бабка решила помочь с поисками ей жениха. А чтобы это все не выглядело так уж совсем нарочито, позвала своих подруг, предложив привести с собой по одной девушке на выданье. Единственным условием было, чтобы те не были красивее ее Арины. И хотя ты ее явно интереснее, сама знаешь о своем основном недостатке. Думаю, Шмолевич вполне стерпит твое присутствие.

– Даже если это так, то мне не с кем оставить мой ... «недостаток», – Марьяна немного замешкалась, думая, как сказать о сыне. – Я бы не хотела оставлять его надолго и поручать посторонним людям. Вы сможете предложить достойное решение?

Старуха, забыв о запрете, все-таки достала свою трубку, подожгла магическим зарядом отточенным движением пальцев и пару раз затянулась. Марьяна же сильно разволновалась и на этот раз не обратила на нее внимания. Она действительно очень устала за эти почти три года безвылазно сидения дома и понимала, что отдохнуть ей будет просто полезно для здоровья.

– Надо подумать, – Ардон еще раз затянулась. – Например, я могу предложить Шмолевич организовать детскую

комнату. Тогда на бал смогут прибыть молодые мамочки, которые точно не будут конкурентками ее дорогому дитятку, но общий антураж создадут. За ними присмотрит профессиональная нянька. А ты в любой момент сможешь проверить своего сыночка.

– Да, это было бы решением проблемы! – согласилась Марьяна, понимая, что у большинства мамочек и так есть няньки в помощницах. Но она даже не догадывалась, что старая карга решила сыграть на любопытстве подруги. Та бы на многое согласилась, чтобы объявить о присутствии на балу графиня Розенталь с сыном.

Спустя два часа Ардон сидела за чайным столом в доме Шмоловичей. Владелица салона разливала редким гостям чай и жалобно бормотала:

– Эх, времена не те! Мой салон перестает пользоваться популярностью. Кому нужна старая баронесса? Так и буду умирать в одиночестве, – нужно сказать, что этот монолог произносился ежедневно в последние полгода, как только мадам Пирс открыла новый светский салон и перетянула клиенток Шмолович.

– Сара, я кажется знаю, как вернуть тебе былую популярность! – неожиданно произнесла Ардон, вытащив изо рта неизменную трубку. Когда трубка перекочевывала на бортик пепельницы, это был знак, что Ардон собиралась говорить много. Что в общем-то было редкостью. Поэтому все замолчали, уставившись на нее.

Сара Шмолевич сначала застыла с открытым ртом и даже перестала наливать чай. Ее седые кудельки на голове как-то жалобно скукожились, а затем расправились под действием энергичного взмаха головы:

– И как? – в недовольном лице хозяйки солона проскользнуло любопытство.

– Ты организуешь бал для молодежи! – торжественно объявила старуха.

– Фи, Регина, ты с ума сошла? – сморщила когда-то именуемый носиком мясистый нос с бородавкой на кончике Шмолевич. – Бал – это море расходов. И неизвестно, придет ли на него молодежь. Им всем как медом у Пирс намазано.

Ардон загадочно улыбнулась, вытряхнула в пепельницу пепел, заправила свою трубку по новой и лишь тогда заговорила. Все уже ерзали от нетерпения и ждали, когда старуха скажет что-нибудь интересное.

– Сара, ты плохой маркетолог! – наконец выдала она.

– Плохой кто? – не поняла новомодного слова Шмолевич. – Ты опять голубушка, до полуночи в магsetях сидела. Пора бы уже успокоиться и заняться чем-то более полезным, что ли.

– Полезным? – скривилась Регина. – И что по-твоему я могу сделать полезного? Вот решила поднять популярность твоего салона, а ты мне даже высказаться не даешь, все перебиваешь.

– Все, все, молчу! – затрясла кудельками и вторым под-

бородком Сара и подала знак двум приживалкам, чтобы те замолчали и не мешали старухе Ардон излагать свои новомодные мысли.

– Я могу сыграть на любопытстве Орбургцев и собрать у тебя в день бала полный салон, – торжественно объявила гостья. – Приведу на бал Марьяну Розенталь с сыном.

Старуха давно просчитала все свои ходы и была уверена, что Шмолевич не сможет отказаться от маленькой сенсации. Но Сара, хоть по словам подруги не была маркетологом, баронессой стала выйдя замуж, с рождения же была истиной дочерью купца первой гильдии и деньги считать умела. Поэтому тут же уточнила:

– А что я с этого буду иметь? Популярность салона, конечно, хорошо. Но, знаешь ли, иногда кушать хочется.

Ардон словно ее не слышала и продолжала рассказывать свои идеи:

– Только тебе придется немного потратиться: пригласить профессиональную няньку и организовать детскую комнату. Тогда на бал смогут прийти не только мамы с debutantками, но и женщины с маленькими детьми.

– Это все очень интересно. Ты давно благотворительностью занялась? – не унималась Шмолевич, не понимая, куда клонит подруга.

– А вот с мужчин мы будем взимать плату, заранее объявив, что на балу они смогут подобрать себе не только жену, но и возможную любовницу, – после последних слов старухи

хи все застыли в немом потрясении надолго. Такого действительно никто и никогда не проворачивал. – Да и дадим возможность твоей правнучке найти достойного жениха. Бездельники и лодыри на бал точно не придут. Кошелек не позволит.

Хм, – Шмолович намотала на палец седой локон, который должен придавать ее старомодной прическе некоторый шарм и легкую небрежность, пожевала губу и согласилась:

– А что? Интересная идея. Только как тебе удастся уговорить Марьяну? Она же никуда не выходит, тем более с ребенком.

– Спорим на золотой, что у меня все получится? – старческие глаза Регины Ардон внезапно прояснились, помолодели и лукаво блеснули. Она была хоть и очень слабым, но огненным магом. А как известно для них адреналин был лучшим лекарством и от старости в том числе.

– Ах, вот ты к чему это затеваешь! – рассмеялась хозяйка салона. – Хорошо, золотой, так золотой. Я не окажусь посмотреть на кого похож этот маленький ублюдок.

Вот так, начав с последней инстанции, старуха Ардон получила нужный ей результата. Она ни секунды не сомневалась, что золотой будет ее, и уже наметила, куда его потратит. Отказывать себе в чем-то представительница древнего рода не любила.

Глава 2

Марьяна задумчиво перебирала платье в шкафу. Когда ты больше двух лет не выходишь в свет, появляется проблема отсутствия подходящего наряда, чтобы туда выйти.

После смерти Вереса женщине казалось, что в ее жизни больше не настанут светлые дни. Поэтому в результате душевного порыва все наряды отправились в благотворительный магазин. В шкафу же осталось лишь то, что подходило для траура: черное и лиловое. Только это явно не те вещи, в которых ходят на бал. И что делать? Идти в магазин подержанных вещей, куда в свое время сдала наряды?

Поразмыслив немного, она пришла к выводу, что это единственный выход из ситуации. Тем более что перед выходными там обычно устраивают тотальную распродажу. Поэтому купить что-то можно очень дешево.

В отличии от мамы Верес был одет по последнему слову Орбургской моды. На него мама денег не жалела, даже когда самой приходилось голодать пару дней. Нарядив мальчугана в синий костюмчик с матросским воротником с тремя белыми полосочками по краям и белый берет с пушистым красным помпоном, Марьяна отправилась в магазин. Сама же она облачилась в скромное серое платье с глухим воротником и длинными рукавами.

Зайдя в душное помещение на втором этаже торгового

дома, женщина остолбенела от творящейся там круговерти. Самая настоящая туча Орбургских дамочек толкали впереди себя железные корзинки до верху забитые нарядами. При этом казалось, что каждая из них считала приобретения недостаточными и с озабоченным видом пыталась найти в куче шмотья что-то еще более-менее подходящее. А когда вещи начинали переваливаться через край, счастливая обладательница огромной кучи товара вставала в очередь в примерочную, чтобы выбрать один, два или от силы три наряда и рассчитаться за них у расчетчика.

Посадив Вереса в корзинку к себе лицом, графиня Розенталь отправились вдоль по рядам. Малышу такой способ путешествия понравился. Он с удовольствием что-то бормотал и хватал цепкими пальчиками все блестящее. В том числе и дамочек, толкавших мимо свои тележки. Такие знаки внимания от юного кавалера нравились далеко не всем. В этот момент графиня внезапно поняла, что таким образом не выберет себе ничего. Платья до этого она сдавала в обычный, не распродажный день. И даже не представляла, что здесь может быть так оживленно.

Неожиданно ее взгляд упал на мужской отдел. Там было пусто, тихо и на вешалках абсолютно спокойно висели рубашки, пуловеры и брюки с панталонами. Брюки мужчины обычно носили на работу, а в панталонах в обтяжку щеголяли на праздниках и торжественных мероприятиях. Никто не знает, какой чертенок поселился в мозгах женщины, но она

выбрала себе синий фрак с панталонами в тон и белоснежную рубаху. А также нашла к ним золотой галстук и такой же золотистый берет. Этикет позволял женщинам на балы приходить в беретах, украшенных перьями экзотических птиц.

Экзотических птиц в хозяйстве Марьяны не было. Зато на заднем дворе жил петух, хвост которого на солнце переливался черно-зелено-синими красками. Хозяйки поместья решила, что от петуха не убудет, если он парой-тройкой поделится с ней.

Гардероб Вереса, естественно, тоже не остался без изменений и пополнился двумя штанишками и дюжиной совершенно новых трусиков. Видимо, кто-то купил не по размеру, а потом сдал в магазин.

Утром следующего дня мать-одиночка начала собираться на бал, решив nepозволительно много времени посвятить себе. Ничего подобного она давно не делала. И хотя ранним утром вечернюю ванну с маслами и лепестками роз никто не принимает, иного выхода у женщины не было.

Графиня отправилась в запущенный сад, чтобы собрать корзинку цветочных головок. Благо, цветение роз было в разгаре, а сорняки еще не полностью поглотили когда-то ухоженный сад. А заодно попросить старика-конюха приглядеть за Вересом. Брин, конечно, был не лучшей нянькой. Но обычно с утра он был трезв как стеклышко. И лишь к обеду, раздобыв очередную порцию улетного пойла, отправлялся, по его словам, в «волшебную страну».

– Доброе утро! – завидев слугу, поздоровалась хозяйка.

– Доброе! – отозвался конюх, с кряхтением вставая с кучи соломы, на которой спал.

– Брин, у меня к тебе сегодня просьба не по чину, – заметив, как мужчина нахмурился, Марьяна торопливо добавила:

– Рюмочку вургунского я тебе обещаю!

Даже в аристократических кругах ходили легенды о золотом вине Розентелей. К сожалению, осталось меньше половины бочки от бывшего богатства. Только гостей в имении графов давно никто не приглашал. Не подавать же куриные яйца в качестве закуски? Поэтому потратить рюмочку на конюха она вполне могла.

– Если рюмочку, то я завсегда готов! – широко улыбнулся щербатым ртом конюх. – На рынок съездить или еще чаво?

Его просторечное «чаво» раньше шокировало графиню. Да сейчас она давно к нему привыкла и давно не обращала внимания. Это было наименьшее из всех зол, что ее окружали.

– Ты не смог бы пару часиков приглядеть за Вересом?

– За графенком? – остатки вчерашнего похмелья тут же выветрились из пропитого насквозь мозга мужчины. – Я, конечно, могу, коли доверите. Только играть мы будем в мои игры, а не в ваши высоко пинтектуальные.

Марьяна немного замешкалась, попытавшись понять смысл слова «пинтектуальный». Затем решила, что это свое-

образный перевод на просторечный язык слова «интеллектуальный». Усмехнулась про себя, а вслух согласилась:

– Хорошо, Брин. Главное, чтобы он после твоего воспитания остался жив-здоров.

– Обижаете, барыня! – покачал головой старик. – Я своих десятерых вырастил. Все до сих пор процветают!

Что дети конюха процветают, графиня сомневалась. Иначе они давно забрали бы к себе горе-отца. Хотя, возможно, алкоголизм был причиной, по которой он жил на ее конюшне, помогая запрягать единственную лошадку в бричку и ремонтируя по мере необходимости последнюю.

– Хорошо, хорошо! Верю, – засмеялась мадам Розенталь. – Только попрошу сегодня не пить. Ты мне нужен будешь в качестве возницы. Мы с Вересом на бал поедем. Не прилично будет, если я сама буду бричкой править.

В итоге счастливый малый перекочевал в объятия дедушки, которого очень любил дергать за нечесаную бороду, помахал матери рукой и крикнул:

– Кака, мама! Кака! – что в переводе с личного языка юного графа на общечеловеческий означало «пока». А Марьяна пошла готовиться к балу.

Как она давно не принимала горячую ванну! Это случалась лишь в те редкие мгновения, когда приезжал в гости двоюродный брат Чарльз Минихан. Он был ее единственным ныне здравствующим родственником. Но жена и пятеро малышей, требующие пристального внимания, не позволя-

ли проверять ему кухню слишком часто. И сейчас графиня включила воду, бросила в нее согревающий кристалл, цветочные головки, собранные в саду и мыльную стружку, чтобы создать ароматную пенку.

Марьяна была слабеньким водным магом первого уровня. Для женщин большего и не требовалось. Их ценили за другие качества. Верес Родвэй родился воздушником и развился до второго уровня. Пара из них вышла бы не плохая. Только этому помешала война. Как известно, войны редко кому идут на пользу и несут что-то хорошее.

И сейчас она скинула свое домашнее платье серого цвета и с удовольствием погрузилась в воду. Платья давно стали серыми. Не потому что траур закончился, а потому, что банально вылиняли и выгорели на солнце. Прикрыв глаза, застонала от счастья и настроилась получить удовольствие.

Марьяна в воде нежилась долго, периодически подогревая воду и прогоняя от себя тревожные мысли о сыне. Если бы с ним случилась неприятность, она тут же про это узнала бы. Связывающий кулончик постоянно висел у нее на шее. Точно такой же украшал и шейку малыша. И Брин действительно нянчиться мог. Только плату брал слишком высокую, выбывая из строя на целые сутки.

Наконец, она решила, что пора и честь знать. Вылезла из воды, насухо вытерлась пушистым полотенцем и, завернувшись в банный халат, пошла за ребенком.

Издали услышав смех сына, Марьяна обрадовалась. По-

хоже, мальчугану с дедушкой Бри понравилось. Когда же наконец дошла до них, не знала, то ли плакать, то ли смеяться. Нет, с юным Вересом ничего плохого не случилось. Он счастливый и довольный под подбадривающе окрики конюха:

– Давай, графчук, угости кису коклеткой под соусом! – макал в коровью лепешку кусочек хлеба, а затем безуспешно пытался скормить угощение дворовому коту. Благо, себе в рот потом не отправлял. В этом случае с матерью точно бы приключился инфаркт.

Поблагодарив конюха и пообещав напоить его после бала, Марьяна пошла отмывать сына. «Соус» приятных ароматов ему не добавил. И подозрительные коричнево-зеленоватые следы красовались на его рубашечке и крохотных ручках.

Отдраив сына, графиня поняла, что теперь нужно мыть ее саму снова. Она успела взмокнуть и испачкаться в «соусе». Выгрузив из ванной ребенка и насухо вытерев, залезла в воду снова. Только на этот раз наслаждаться процедурой не пришлось. Сынуля топтался рядом, периодически кидая маме в ванну резиновых утят, маговоз и два больших игрушечных магобиля. Обязанностью Марьяны было достать их и вернуть сыну.

В итоге к обеду оба были чистыми, довольными. Поев, завалились спать. Графиня понимала, что силы ей сегодня еще понадобятся.

Будильный колокол прозвенел в пять часов после полу-

дня, заставляя маму с сыном нехотя разлепить глаза. Графиня Розенталь в какой-то миг даже пожалела, что согласилась на эту авантюру с балом. Она бы лучше поспала еще лишний часок. Опоздать на бал, конечно, можно. Никто и никогда не следил за пунктуальностью гостей, если это был не королевский прием. Да вот Верес ложился спать в девять после полудня. Рушить режим ребенка Марьяне не хотелось. А ехать всего на час не имела смысла. Она даже бы по сторонам оглядеться не успела.

Пока Верес потягивался в кровати, пытаясь попутно запустить любимый маговоз по горам в виде подушек, женщина надела приготовленный заранее наряд и слегка подкрасилась. Посмотрев на себя в зеркало, осталась довольна. Она так давно не носила ничего приличного, что бриджи и фрак из благотворительно магазина показались ей верхом роскоши. Конечно, в юбке с кринолином она чувствовала себя бы увереннее. Но в экстравагантном костюме был свой тайный расчет. Марьяна хотела перетянуть часть внимания на себя, чтобы к сыну не прилетело ненужных случайных проклятий и дурного взгляда. А она женщина взрослая, она все перенесет.

Ее длинноногая и узкобедрая фигура отлично смотрелась в мужском костюме. При этом, тонкая талия и округлая грудь, кокетливо выглядывающая из-за распахнутых полочек фрака и обтянутая кипенно-белой рубашкой, делали фигуру по-женски трогательной и беззащитной. Прикрепив

золотой галстук-бабочку с помощью старинной брошки, она осмотрела себя еще раз и осталась довольной. Берет с тремя перьями петуха, добытыми в честном бою на заднем дворе, ждал своего часа.

Настала очередь Вереса. Малыша пришлось ловить, чтобы надеть брючки, рубашку, как у мамы, и парчовый жилет. Завязав на пухленьких ножках ботиночки, графиня выпрямилась с чувством выполненного долга. И тут же с ужасом увидела, как сын размазывает пыль на полу с помощью петушиных перьев, а довольный кот играет с яркой игрушкой. Обормот, так звали животинку, всегда мечтал попробовать их на зуб. Да петух в его лапы не давался. А тут был такой щедрый подарок! Спешно забрав головной убор, Марьяна с горечью поняла, что целым осталось лишь одно перо. С другой стороны, было хорошо, что хотя бы одно было живо. Графиня Розенталь была оптимисткой и во всем пыталась находить светлые стороны.

Кое-как водрузив головной убор и выпустив кокетливый локон с правого бока, мать, подхватила сына на руки и почти бегом понеслась к конюшне. Бричка стояла готовая, что не могло не радовать. Да вот конюх «сломался». Он посмотрел на хозяйку осоловелым взглядом и заплетающимся языком пробормотал:

– Прости, хозяйка, я вургунского не дождался. Должна будешь! – и с зычным храпом упал на любимую кучу соломы. Брин точно знал, что его никто не уволит. У Марьяны харак-

тер не тот. Да и кто согласится работать без денег, лишь за обеды с графского стола?

С тяжелым вздохом графиня перецепила детское удерживающее креслице с задней лавки на переднее сидение, привязал сына, залезла на место конюха и, дернув вожжи, хрипло крикнула:

– Но! Пошла, родимая, – при этом звонко щелкнула кнутом. Лошадь, особо не впечатленная командой хозяйки, лениво дернула хвостом и еле-еле переставляя ноги, все же двинулась в нужном направлении.

***

– Граф и графиня Розенталь! – торжественно объявил мажордом Шмалевичей. При необходимости его роль играл старший истопник Петрусь. Сара Шмалевич считала что в летнюю пору ему делать особо нечего и он, обладая густым басом, может справиться с ролью выкрикивания гостей.

При этом известии старуха Ардон засветилась как тот золотой, который она только-что выиграла. Что греха таить, такие споры были основным средством ее заработка и позволяли вполне безбедно существовать.

Марьяна, чуть смущаясь, вошла в зал, держа сына за руку. Она старалась не показывать волнения, гордо вскидывая голову. Но при этом понимала, что кто-то точно видел, как она сама управляла лошадыю. Да и отсутствие юбки, хоть и преднамеренное, уверенности ей не придавало.

Первым делом все взоры устремились на юного графа. Да

вот только Вереса Родвэя особо уже никто не помнил. И что оттенок волос у малыша совсем не предполагаемого отца никого не смутило. Главное рыжий и хорошо. А вот наряд графини поверг почтенных матрон в легкий шок, действительно перетянув внимание на себя.

– Ну и молодежь пошла, – фыркнула в свой длинный нос мадам Принст. – Никакого уважения к традициям и обычаям. Могла бы и юбку надеть!

Старуха Ардон, пребывая в благодушном настроении решила заступиться за свою протезе:

– Зара, ты вообще в моде не понимаешь! Это же последний писк при королевском дворе.

– При королевском дворе? – мадам-цапля удивленно вздернула свои смоляные, отлично нарисованные горничной брови и добавила глубокомысленно:

– Если при дворе, тогда костюм на мадам Розенталь очень даже неплохо смотрится. И какое интересное перо у нее на берете! Наверное, очень дорогое, раз всего одно.

Петух-то ее не слышал, он разобиженный на хозяйку сидел на насесте в своем родном курятнике. Но тут до Принст что-то дошло. До нее всегда доходило долго, возможно, из-за высокого роста. Она перенесла ставший недавно модным лорнет на старуху Ардон и ехидно уточнила:

– Регина, а ты-то откуда про дворцовую моду знаешь?

– А я давеча ходила на центральную ярмарку и мне там приспичило. Так вот, в ярмарочном туалете какой-то прохо-

димец спер туалетную бумагу.

– Да ее там отродясь не бывало! – вклинилась в их разговор еще она дама из бомонда Шмоловичей. – Ишь, чего захотела, подтереть свой тощий зад за государственный счет!

Но старуха Ардон пропустила ее слова мимо ушей, многозначительно пыхнув неизменной трубкой, и продолжила свой рассказ дальше:

– Но нашелся какой-то добрый человек и положил вместо бумаги журнал с образчиками королевской моды за прошлый месяц. Я пока там сидела, успела его изучить вдоль и поперек.

– Что ж ты себе ничего не прикупила по моде? – ехидно заметила беспардонная дама.

– У меня типаж не подходящий, – усмехнулась старуха. – Я, в отличие от некоторых, платья в обтяжку не ношу и свои телеса на обзор и потеху публики не выставляю. Как, впрочем, и штаны, в которых мой тощий зад, как ты говоришь, будет смотреться не аппетитно.

Принст прыснула от смеха приговаривая:

– Ардон, тебе точно нужно в модистки податься!

А вторая собеседница отошла от них, обиженно надув губки. Намек на ее чрезмерный живот, обтянутый тонкой атласной тканью даме не понравился.

Марьяна тем временем успела отвести малыша в игровую комнату. Там веселились еще трое ребятишек возрастом чуть постарше. И юный граф с удовольствием присоединил-

ся к их компании. Привели же детей не мамочки, а бабули, которые решили разыграть из себя перед своими детьми хороших няnek, при этом не утруждаясь, а свалив все на няньку.

Сарин салон графини посещали не часто. Вернее, никогда. Розенталь была первой. И Шмолевич распиналась перед ее сиятельством, как могла. Молодая мама, сама того не подозревая, стала для баронессы и дочери купца первой гильдии козырной картой.

Постепенно все отошли от будоражащих новостей, успокоились и бал продолжил свое мерное течение. Начались танцы. Марьяну даже пригасил один, похожий на ее петуха, молодой человек на Виргинскую кадрили. Но когда узнал, что она пришла сюда с сыном, от дальнейшего знакомства отказался.

Молодую женщину это нисколько не напрягало. Она, наслаждаясь и разглядывая танцующих, сидела в кресле, периодически проверяя своего мальчика. Верес же был счастлив новой компании и, казалось, о матери не вспоминал.

В какой-то момент мажордом объявил:

– Герцог Гольденброук!

Бомонд на секунду замолчал, встречая любопытными взглядами новоприбывшего. Затем разговоры вернулись в прежнее русло. И, возможно, все бы так и продолжало размеренно течь, если бы не визгливый голос обиженной мадам:

– Ой, посмотрите, у них с графиней Розенталь костюмы

одинаковые!

Глава 3

В этот же миг Марьяне показалось, что небо рушиться на нее, подминая под своими обломками. Она мысленно прокляла тот миг и час, когда пошла за покупками в благотворительный магазин. Кто же думал, что герцоги приходят на рауты к мадам Шмолович, предварительно сдав ставший малым костюм в комиссионку?

В том, что костюм явно не с плеча герцога в его нынешнем виде, стало ясно после того, когда она покрасневшая и смущенная подняла глаза на мужчину застывшего у входной двери.

Герцог был высок и широкоплеч. Длинные ноги в ботфортах обтягивали точно такие же как у нее синие панталоны. А плечи прятал синий фрак. Только больше ничего привлекательного в образе гостя не было.

Не понятно, какими его волосы были в молодости, но сейчас это была густая копна седых волос, которые достигали ему до плеч и торчали в разные стороны. Правую сторону лица мужчины пересекал жутки шрам, затрагивая глаз. От этого взгляд казался устрашающим.

– Ах, ваша светлость, какими судьбами? – тут же вышла вперед мадам Шмолович, приветствуя дорогого гостя.

Раненая щека мужчины болезненно дернулась. То ли от недовольства, то ли от того, что он пытался улыбнуться, а

стянутая коже не давала это сделать. Несмотря на уродство, герцог притягивал внимание графини, что она не могла оторвать от него взгляд. Потом поняв, что так неприлично рассматривать человека с уродствами, через силу отвела взгляд.

– Сара, мы же договаривались, что для друзей я Алан! – пророкотал густым басом герцог. – А где тот гость, который, как и я, покупает костюмы у Грандона?

Графиня Розенталь так была загружена последние дни, что даже не удосужилась посмотреть на производителя своего торжественного наряда. И сейчас с ужасом обнаружила, что это производство самого дорогого модельера Орбурга.

– Вы должны нас представить друг другу! – настаивал герцог.

– Во-первых, не гость, а гостья! – поправила Голденброука Шмолевич. – И да, я с удовольствием представлю вам Марьяну и ее очаровательного сына!

С этими словами Сара поплыла в сторону графини как огромная баржа, резрезая корабельным носом на своем пути толпы гостей. Музыка стихла. И весь бомонд замолк и вытянул шеи.

Наконец, герцог в сопровождении хозяйки подошли к Марьяне. Он бегло охватил ее взглядом, зацепившись на мелкой вышивке на лацкане фрака «ГА». Грандона звали Микаэлем. И он всегда ставил инициалы покупателя, а не свои. Такой маленький фирменный знак мастера. У Гарьяны как минимум тое должна была стоять бува «М». Алан с кривой

улыбкой представился:

– Герцог Алан Гольденброук, к вашим услугам, мадам! – стремительно выкинул вперед руку, бесцеремонно сгробастал ладонь Марьяны и легко прикоснулся к ней обжигающе горячими и сухими губами.

– Марьяна Розенталь, ваша светлость! – присесть в книксене она не стала. Это очень глупо бы выглядело в панталонах, поэтому просто слегка по-мужски поклонилась.

– А где ваш очаровательный сынишка? – в ответ поинтересовался герцог.

– Мадам Шмолевич организовала для таких матерей, как я, специальную детскую комнату. Он там нашел себе новых друзей и весело играет.

Каких таких матерей Марьяна не озвучила. Позора ей и так хватило. Благо, герцог сгладил неловкую ситуацию своим высказыванием. А он же с легкой улыбкой предложил:

– Тогда позвольте пригласить вас на тур вальсура? – скривился в ответ. Шрам делал его улыбку похожей на жуткий оскал. – Если вас, конечно, не смущает, мой внешний вид.

Что оставалось бедной женщине? Нет, его лицо ее не смущало. И графиня покорно кивнула в ответ, вкладывая свои ледяные пальцы в его горячую руку. Складывалось впечатление, что внутри Гольденброука горит камин, согревающий мужчину и всех тех, кто с ним соприкасается.

– Простите за нескромный вопрос, – начал разговор герцог негромким голосом, как только они под звуки музыки

заскользили по гладкому паркету, – каким образом к вам попал мой костюм, в котором я ходил на выпускной вечер в школе?

С этими словами он глазами показал на вышивку с инициалами, отрезая Марьяне последние пути к отступлению. Она решила, что в данной ситуации изворачиваться и что-то сочинять выйдет себе дороже, поэтому простодушно пожала плечами и с усмешкой произнесла:

– Секрета здесь нет. Я его купила в благотворительном магазине на распродаже. А как он туда попал, спрашивать нужно не меня.

Герцог в ответ заразительно захохотал, привлекая внимание других пар. На них и так уже поглядывали: пара, одежда одинаково, непроизвольно притягивала к себе взгляды. Марьяна сильнее сжала губы. Она успела отвыкнуть от пристального внимания толпы.

– И все-таки я вас раздражаю, – отсмеявшись, покачал головой герцог.

– Нет, с чего вы это взяли? – женщина подняла на него удивленный взгляд. Глаза герцога, темно-темно синие с золотистыми крапинками внимательно смотрели на нее. Вернее, один глаз. Куда направлен взгляд второго из-за травмированного века понять было невозможно. А затем добавила:

– У вас глаза как у моего сынишки. Я очень редко встречала такой цвет.

– Возможно, мы с его отцом были родственниками. Хотя

Розенталей я в нашем родовом древе не помню, – по-своему объяснил совпадение Голденброук.

– Я оставила девичью фамилию и дала ее сыну, – Марьяна уже пожалела, что затеяла весь этот разговор, пытаясь уйти от скользкой темы с костюмом. В итоге вышло только хуже.

– Вы рискнули родить ребенка, не будучи замужней дамой? – задал еще один бестактный вопрос герцог. Но презрения на его лице она не заметила. Оно просо светилось любопытством. – Уважаю самодостаточных женщин.

– Я была замужем, – отрезала графиня, чтобы закончить эту неприятную тему.

Только герцогу стало очень интересно, откуда здесь взялась эта нетривиальная личность, и он продолжил допрос:

– Раз вы покупаете костюмы в благотворительных магазинах, я смею сделать вывод, что с финансами у вас не густо. Почему вы не дали ребенку имя рода отца? Или там пожить было не чем?

– Ваша светлость, а вы не можете предположить, что я захотела приобрести костюм от Грандона. Но покупать его по полной стоимости посчитала невыгодным, – парировала она.

– Тогда вы точно в сговоре с моим камердинером! – прищурился Алан. – Еще три дня назад этот костюм точно висел в моем шкафу.

– Да не знаю я вашего камердинера, я... – она хотела снова сказать насчет магазина. Но в это время музыканты замолчали, и графиня резко перевела тему разговора:

– Ваша светлость, музыка закончилась. Проводите, пожалуйста, меня на место.

Оставив Марьяну в кресле у стены, Алан направился к Ардон. Со старухой герцог был знаком очень давно, еще с той поры, когда сам жил в Орбурге. Поэтому ее он и решил расспросить о неожиданно понравившейся женщине с ребенком.

– Как поживаешь, матушка Регина? – поинтересовался мужчина у старухи с деловым видом набивавшей свою неизменную трубку.

– Табак есть, следовательно, хорошо! – Ардон сделал первую затяжку, пыхнув на Алана вонючим дымом.

– Фу, какая гадость, – поморщился тот в ответ.

– Эх, молодежь, ничего вы в хорошем табаке не понимаете! – скривилась старуха. – Но тебе придется выбирать: или получить ответы на свои вопросы, или уйти ни с чем. Ты ведь не свое почтение выразить подошел?

Высказав предположения, Ардон засмеялась скрипучим смехом свойственным старым курильщикам.

– А если золотой? – Алан прекрасно помнил ее страсть к спорам именно на эту монету.

Старуха жалобно скривилась, со вдохом отложила трубку в сторону и грустным голосом произнесла:

– Умеешь ты, шельмец, уговаривать! Присаживайся, поговорим, – и указала клюкой на соседнее кресло. – Заинтересовала девочка?

– С чего ты взяла? – вопросительно выгнул бровь герцог.

– Другой причины не вижу, зачем я тебе понадобилась, да еще и так! – фыркнула старуха, взглядом указывая на золотой, который Алан положил на край стола намекая, что он его отдаст, когда получит ответы на свои вопросы.

Не зря он пошел к Ардон, совсем не зря. Наблюдательности старой сплетнице был не занимать.

– А если и так? – хищно оскалился Голденброук. – Или я совсем плохой жених?

– Почему плохой? Если ее твоя внешность не испугает, ты можешь стать отличным мужем и отцом, – прищурилась собеседница.

– Сразу таки мужем? – оскал с лица исчез. И было непонятно, то ли он реально загрустил, то ли просто хорошо играет на публику.

– Сразу, – отрезала старуха. – Девочка хорошая, а натерпелась на годы вперед. Это же надо было рискнуть родить в одиночку и пережить разговоры Орбургских кумушек.

– Да-а-а, – издевательски протянул герцог, – кумушки – это сила.

– Это вы мужики непрошибаемые. А трепетное женское сердце они могут очень сильно ранить!

– Хватит морали мне читать, рассказывай все, что про нее знаешь! – внезапно переменил тон Алан, став в одно мгновение холодным и расчетливым герцогом. Словно этим холодом отгородился от старухи и теперь приготовился бес-

страстно внимать ее рассказу. – Чья она? Почему я графов Розенталей не помню?

– Почему не помнишь, я не знаю, – старуха развела руки в стороны и каркаяще рассмеялась. – Розенталь – фамилия ее матери. Она ее приняла, как получило захудалое графство в наследство. По мужу матушка была Минихан. Вы с Чарльзом, её двоюродным братом, вроде даже учились вместе,

– С Чарльзом? – по тону герцога стало понятно, что этот факт его сильно задел, словно они с Миханом были врагам, хотя всегда числились в друзьях. – А ребенок чей?

– Она утверждает, что Вереса Родвэя. Помнишь героя скихской войны? И ходят слухи, что они успели обвенчаться до его гибели.

– Родвэя помню, – согласно кивнул герцог. – Он был хороший, правильный мужик. Тогда я не пойму одного, почему она не взяла родовое имя мужа? И почему он на этом не настоял? Моя женщина будет обязательно Гольденброук.

– Милок, ты других по себе не ровняй! – фыркнула Ардон, подхватывая золотой и отправляя его в карман. – Больше я тебе вряд ли что расскажу!

Время подходило к девяти. Марьяна уже поглядывала на часы, собираясь забрать Вереса и поехать домой, как перед ней снова нарисовался герцог с его неизменной кривой улыбкой:

– Мадам, разрешите вас пригласить на танец?

– Герцог, простите за нескромный вопрос, а вы хорошо

знакомы с правилами светского общества? – Марьяна, склонив голову, изучала лицо мужчины. На нем после ее вопроса не дрогнул ни один мускул.

– Вы про второй танец симпатий? – уточнил он. – Я еще не совсем старик и кое-что помню. Теперь ответ за вами.

Дело в том, что в обществе на один танец можно пригласить кого угодно без последствий для репутации. Второе приглашение означало симпатию. И если девушка соглашалась, то это говорило о взаимности. А третий танец за один вечер орбургские кумушки приписывали негласной помолвке.

Марьяна еще раз посмотрела на обезображенное лицо герцога и с удивлением обнаружила, что не испытывает неприязни или отвращения. Ее действительно тянуло смотреть ему в глаза. Это симпатия? Наверное, так оно и есть. Поэтому она коротко улыбнулась и протянула руку, еще раз отмечая его горячие пальцы.

Когда они вышли на середину зала, и он притянул женщину чуть ближе чем полагалось по этикету, Алан с усмешкой уточнил:

– Марьяна, а на третий танец вы бы со мной согласились?

– Сегодня, точно нет! – рассмеялась она.

– Все-таки лицом не вышел? – скривился он. Было непонятно, то ли это ирония, а то ли что-то боле грустное. – Или недостаточно для вас богат?

– Не то и не другое, – кокетливо улыбнулась графиня. –

Просто моему сыну через пятнадцать минут положено лежать в кровати. А так как я ему и за маму, и за папу, и за всех няnek разом, больше здесь оставаться не могу.

– Что же вы раньше-то не сказали! – притворно огорчился Голденброук. – Я бы тогда не терял время, а танцевал с вами все танцы подряд.

– Я вам так не понравилась?

– В смысле? – растерялся мужчина.

– Вы хотели уморить меня танцами без отдыха!

– Если бы я и хотел вас чем-то уморить, то совсем не танцами! – его здоровый глаз сверкнул, словно внутри был припрятан фонарик.

Розенталь же растеряно посмотрела, не понимая подоплеки его слов. Дело в том, что у графини была своя тайна, которую она берегла как зеницу ока.

Музыка закончилась. Но Алан не отпустил женскую руку.

– Герцог, меня не нужно провожать на место, – Марьяна робко потянула руку, но он сжал ее еще сильнее.

– Я провожу вас, куда скажите. За одно и с сыном познакомлюсь.

Они пришли в детскую.

– Верес! Домой пора! – позвала ребенка Марьяна. Малыш тут же подбежал. Он уже устал и периодически тер глазки. Мама подняла его на руки и направилась к выходу, сильно удивившись факту, что герцог застыл как каменное изваяние и ничего ей не сказал. Зачем, спрашивается, вызвался

провождать? Было даже немножко обидно. Ему так не понравился ребенок? Что ж, это его проблемы. Она снова долго не будет выходить в свет. И они точно никогда не встретятся. Старухе Ардон графиня Розенталь все же была благодарна. Она действительно хорошо провела время. И малышу тоже понравилось, поэтому жаловаться был не на что.

Опустив спинку детского сидения так, чтобы, если Верес уснет по дороге, дальше ехал с комфортом, стала сама забираться на козлы. Внезапно ее остановил крик:

– Подождите! – к ним быстрым шагом шел герцог. Он удивленно посмотрел на женщину на козлах, вопросительно приподнял бровь. Но ничего не сказал по этому поводу, а лишь добавил:

– Марьяна, позвольте я завтра нанесу вам визит?

– Визит? Мне? – женщина, прожившая два года почти в полном одиночестве, искренне удивилась. – Зачем?

– Графиня, вы меня, честное слово, удивляете все больше и больше. Зачем наносят визит понравившимся женщинам? – сверкнул белозубой улыбкой герцог. И она в один миг преобразило его лицо, сделав даже привлекательным.

– А я вам понравилась? – нет, Марьяна не хотела покрасоваться. Она действительно сильно удивилась и растерялась.

– Поверьте, для других дел я на утренние визиты не напрашиваюсь, предпочитая являться в гости ближе к ночи, – тайный смысл, заложенный в его слова, каким-то образом дошел до нее, и графиня смущенно улыбнулась, сильно по-

краснев.

– Малыш встает в девять, примерно полчаса мы тратим с ним на умывание и завтрак. После этого его настроение поднимается, и мы вполне можем себе позволить принимать гостей, – пожалала она плечами, давая понять, что оставаться наедине с Гольденброуком она не собирается.

– Обычно дамы после бала спят до двенадцати. Вы настолько ранняя пташка? – он снова поймал ее за руку и никак не хотел отпускать. Только Вересу совсем не понравилось долго сидеть без движения в своем кресле, и он начал хныкать.

– Простите, ваша светлость, – Марьяна с некоторым усилием освободила руку. – Ребенку пора спать. В противном случае мы будем добираться до дома, оглушая окрестности Орбурга его мощным ревом.

– Что ж, до завтра, моя прекрасная нимфа! – герцог опустил руку, в которой удерживал ее пальцы, и застыл с полу-улыбкой на губах. Она же наконец забралась на козлы, проверила сына и тронула вожжи.

Позже вечером, когда Верес был вымыт и уложен спать, женщина растопила камин. Воздух в доме ей показался прохладным. Закуталась в теплую шаль, села рядом с бойко пляшущим огнем и стал предаваться воспоминаниям и анализировать произошедшее сегодня.

Она никогда не видела герцога Гольденброука в живую. Слышать слышала. Он, кажется, учился где-то рядом с Чар-

лзом. И иногда проскальзывал в его восторженных рассказах об очередном событии в академии. Однажды Минихан обмолвился о какой-то трагедии, произошедшей с герцогом. И все.

Сегодня, разглядывая его жуткий шрам, она пришла к выводу, что это скорее всего, последствия именно того неприятного события. Сколько ему получается лет? Брату в этом гуду исполнилось тридцать шесть. Если Гольденбрук немного старше, то ему где-то около сорока. Но такие седые волосы обычно появляются у мужчин после шестидесяти. Хотя маги живут дольше обычных людей. Но по слухам, герцог магией не владеет, что странно для аристократа такого уровня. Белы волосы, похожие на седину, бывают у слабых воздушников первого и половинного уровня. Тогда, почему рядом с ним ее бросает в жар?

Рассуждай, не рассуждай, ответы сами по себе в голове не родятся. Женщина выпила чаю и отправилась спать, решив, что завтра посмотрит на поведение герцога и постарается удовлетворить свое любопытство.

Глава 4

Утро Марьяны началось с того, что ей стало внезапно холодно. Лишь потеряв глаза, женщина поняла, что Верес вылез из своей кровати (и когда только научился?), стянул с нее одеяло и сейчас, стоя рядом, тербил за рукав ночной рубашки, жалобно приговаривая:

– Мама, Вера ням-ням!

Если бы была жива бабушка, она обязательно бы сказала:

– Не в коня корм!

Юный граф ел намного больше, чем могло вместить его худощавое тельце. Он был высоким, намного крупнее двухлетнего ребенка. Но это относилось лишь к росту. Тонкие ноги-тростинки и длинная шея создавали впечатление дитя, которого недокармливали. Хотя Марьяна могла сама не поесть, но сыну всегда откладывала самые вкусные кусочки.

Сейчас ей волей-неволей пришлось вставать с кровати и идти на кухню готовить кашу своему любимому обжорику. Верес сегодня ел дольше, чем обычно, пытаясь что-то рассказать маме. Вчерашний выход в свет наградил обоих Розенталей массой впечатлений. Только из лепетаний сынишки мама поняла, что там был котик, кричавший «Ау». Звук «м» пока плохо поддавался малышу. А что означает «потянька», она так и не догадалась.

За утренними хлопотами, совсем забылось об обещанном

визите герцога Гольденброука. И его «здравствуйте», произнесенное сочным басом в тот момент, когда она пыталась сменить Вересу штанишки, застало ее врасплох.

– Ой! – Марьяна зарделась от неожиданности. – Ваша светлость, вы меня испугали!

– Испугал? – он искренне удивился. – Я же обещал, что приду к вам утром. Единственное, рассчитывал, что меня встретит мажордом. А пришлось самому плутать по вашему дому и искать кого-нибудь живого. Вы что, всех слуг сегодня распустили?

– Да, дала им сегодня выходной! – тут же зацепилась за его слова Марьяна. – Они вчера в мое отсутствие очень много работали. Вот я и решила их на сегодня освободить.

Алан с сомнением во взоре оглядел обшарпанные стены, разохшийся паркет на полу и разбитое стекло в окне. Нет, все сияло чистотой. Но было таким старым и ветхим, что обещало обязательно рассыпаться в пыль, если к мебели прикоснуться с чуть более сильным нажимом.

– И чем же они таким занимались? – продолжал упорствовать в своем любопытстве гость.

– Какая я плохая хозяйка! – всплеснула руками Марьяна, переводя тему разговора, посчитав это лучшим решением. – Вы ко мне в гости пришли, а я вам даже чай не предложила.

– Чай – это очень хорошо. Я не окажусь, – тут же согласился Гольденброук с изрядной долей ехидства в голосе. – Я так понимаю, нянька тоже вчера полы до дыр терла. Давайте,

я с ребенком поиграю, а вы поставите чайник.

Графиня хотела усомниться, справиться ли с ее юным хулиганом такой важный аристократ. Только герцог неожиданно ловко усадил ребенка на колени, и, напевая известную всем с детства песенку, стал подкидывать его вверх, изображая лошадку.

Это умение показалось странным для холостого мужчины. Но она же ничего про него не знала. Возможно, у Алана есть сестра с кучей племянников. Этим и объясняется его любовь к детям.

Когда же чай был выпит, а последние три кекса благополучно съедены (аппетит гостя ничем не уступал аппетиту малыша, хотя при высоком росте Алан был достаточно худощав), герцог пересадил Вереса в специальный детский стульчик и, посмотрев пристально в глаза графини Розенталь, потребовал:

– А сейчас, ваша сиятельство, вы мне объясните, почему в вашем доме стоит такое запустение, отсутствуют слуги и малейшие удобства. Ваш муж разорился перед своей гибелью? Хотя я слышал, что род Родвэев достаточно богат. Наверное, это и объясняет, почему вы не взяли его фамилию, – последний вопрос он скорее не спрашивал, а рассуждал сам с собой.

Первым порывом Марьяны было возмутиться и выставить назойливого гостя вон. Но что-то необъяснимое остановило ее. Вероятно, синий с желтыми крапинками глаз, который,

казалось, заглядывает прямо в душу. И она вдруг разоткровенничалась, чему сама чуть позже сильно удивилась.

– Все очень просто, ваша светлость! Последний управляющий сбежал от меня, утверждая, что не может вести дела в компании с двухлетним малышом. Хотя толку от него было мало. Денег хозяйство и так не приносило, слугам платить не чем. Арендаторы разбежались. Все, что у меня есть, это мои две руки и голова. Вас удовлетворил такой ответ?

– Два года говорите? – он почему-то прицепился именно к этому факту. Сомнение в голосе Алана Марьяну не удивили. Многие не верили из-за роста Вереса.

– Да, два, – она гордо задрала подбородок, выражая всем видом, что в жалости не нуждается. Герцог задумался, почесал подбородок. А затем неожиданно озорно улыбнулся, подмигнул здоровым глазом и задумчиво произнес:

– А не пойти ли мне к вам управляющим? Что-то последнее время жить скучно стало.

– Герцог управляющим в захудалом графстве? – Марьяна потрясла головой, не веря в услышанное. – Ваша светлость, вы явно пошутили!

– Дорогая моя графиня, я серьезен как никогда! – улыбка герцога, благодаря уродовавшему лицо шраму, вышла несколько зловещей, хотя должна была представить чистоту его помыслов и намерений. Розенталь мысленно перебрала все возможные выгоды, которые ее имение может хоть кому-то преподнести. В итоге остановилась на том, что в его

недрах содержатся какие-то очень редкие и дорогие минералы. Но какие, так и не придумала.

Он еще раз посмотрел на застывшую женщину. Она просто не знала, что ему отвечать. Заиметь такого помощника был слишком соблазнительно. Но какие опасности несет это предложение?

– Марьяна, девочка моя, простите, если я вас напугал! – герцог взял хозяйку дома за руку и неожиданно погладил большим пальцем ее запястье, пуская по коже миллионы мурашек. – Я действительно хотел бы помочь. И еще раз объясню причину: банальная скука. Мое поместье работает как часы. И любе вмешательство грозит ухудшением ситуации. А я этого бы не хотел. Почему бы и вам не организовать работу таким образом?

Она еще раз потрясла головой, зажмурил глаза, выдохнула и сказала:

– Слишком хорошо звучит, чтобы быть правдой!

– Возможно, я имею некие скрытые мотивы, а возможно и нет, – он пожал плечами. – Но могу поклясться на чем угодно, что не собираюсь доставить графине Розенталь хоть малейшее неудобство или дискомфорт. Я буду хорошим управляющим и дам шанс этому захолустному уголку превратиться в цветущий сад.

– Я могу подумать? – броситься в омут с головой было слишком заманчиво. И еще лет пять назад она так бы и сделала. Но сейчас Марьяна отвечала не только за себя, но и за

юного Вереса. А это требовало взвешенных решений.

Алан не успел ответить, как в двери раздался стук.

– Вы еще кого-то ждете в столь ранний час? – удивился гость.

– Вы же пришли, почему другим нельзя? – парировала она и в знак протеста широко распахнула дверь. Тут же об этом пожалела, но отступить было поздно: в дверном проеме нарисовался барон Вишлес.

– Как поживает моя дорогая невеста? И кого мы принимаем в столь ранний час? – последние слова адресовались герцогу. Он осмотрел его с головы до ног и противно хмыкнул, выражая все свое отношение к хозяйке дома и ее гостю. Только титул был отлично платой за то, чтобы терпеть любовников жены. По крайней мере пока она не стала его.

– Так вы возможный мой новый хозяин? – герцог легко склонился в подобострастном поклоне перед бароном, вызвав смешок, который Марьяна еле сдержала. Не часто можно увидеть кланяющимися столь высокопоставленных особ. – Разрешите представиться: фамилия моя Гольденбрук. Я новый управляющий поместьем леди Розенталь.

Алан правильно рассчитал, что Вишлеса мадам Шмолевич в свой кружок точно приглашать не стала бы. В других же местах Орбурга он не появлялся, следовательно, с бароном был незнаком.

Вишлес тут же подобрался. Правда сколько не пытался выпятить грудь, вперед лез его объемный живот. Только это

к делу уже не относилось. Он заложил большие пальцы рук за лацканы серого в узкую черную полосу жилета, выдвинул вперед нижнюю челюсть и произнес с важным видом:

– Да, я ваш новый хозяин!

– Возможный хозяин! – поправила его недовольным тоном Марьяна. Она не хотела устраивать тут разборки. Но решила, что появление барона немного остудит горячую голову герцога. Не понятно, что он все-таки задумал. Но вот так признавать себя подчиненной мужчине? Она зря мучилась почти три года?

– Дорогая, это же просто вопрос времени? – сузил глаза Вишлес. – Или у вас завалялись тысяча бесхозных золотых?

Барон бессовестным образом намекнул женщине на ее долг, которым шантажировал. Причем первоначально деньги преподносились в дар. А женщина, по простоте душевной или по глупости, их приняла. Слишком в отчаянном положении она тогда находилась. В итоге она просто скрипнула зубами и ничего не ответила, из двух зол выбирая молчание.

Проводив взглядом незваного гостя (а, может и соперника? Герцог еще не решил), Алан усмехнулся и произнес ему вслед:

– Хотите-не хотите, а придется меня в управляющие брать. Иначе для графини иметь роман с посторонним мужчиной – нонсенс и лишние сплетни для орбургских кумушек.

– Вы хотите сказать, что роман со знакомым герцогом не имеет смысла, а разговор наедине с управляющим смысл

имеет? – Марьяна вопросительно вздернула брови. – Простите, ваша светлость, но я не понимаю вашей логики.

– Все очень просто! – тут же взбодрился Гольденброук и принял позу учителя математики, который занимался с юным герцогом в голубой юности:

– Во-первых, с управляющими романов не заводят, – он развернул руку ладонью к Марьяне и загнул указательный палец. – Бывают романы с учителями танцев, с садовниками и даже с конюхами. Но вы слышали хоть про один роман с управляющим поместьем?

Графиня призадумалась на мгновение, а затем рассмеялась:

– А вы, пожалуй, правы! И чем это можно объяснить?

– Тем, что на любых любовниц или любовников из низшего сословия необходимо тратить деньги. А функция управляющего: эти деньги заработать и приумножить капитал хозяйки. И это будет во-вторых, – за указательным пальцем последовал средний.

– Предположим, я вам поверила. Но раз появилось первое и второе, то за ним следует третье? Герцог, не разочаруйте меня, – Марьяна от души развеселилась от его остроумных и цепких наблюдений. С одной стороны, это вроде бы шутка. А с другой, абсолютная правда.

– Как можно разочаровать такую обворожительную даму? – Алан склонился в легком поклоне, как бы выказывая свое уважение женщине. – Управляющие или правильнее бу-

дет сказать, хорошие управляющие, – отличные математики и счетоводы. Они просчитывают все от и до. Тратить деньги на пустую интрижку они считают глупым занятием. И если заведут роман, то только с долгосрочными целями. Это, как вы поняли, в-третьих.

Графиня не флиртовала очень и очень давно. Наверное, стой поры, когда был жив Верес-старший. И сейчас ей пришлось признаться, что она получает удовольствие от этой незатейливой беседы, являющейся полной противоположностью недавнего разговора с Вишлесом.

– Я правильно поняла, что, если вы начнете оказывать мне знаки внимания, я могу это рассматривать как предложение руки и сердца? – она кокетливо прикрылась веером, чтобы скрыть свою улыбку. Нет, замуж Марьяна не собиралась. Но ей стало очень легко, весело и комфортно.

– Хм, – герцог неожиданно покраснел и смутился. – Честное слово, так далеко я пока не заглядывал. Вы, несомненно, мне симпатичны. Но жениться завтра я не согласен.

– Я завтра и не прошу! – она расхохоталась уже в открытую.

– Я могу воспринимать ваш смех как согласие на сделку? – герцог, склонив голову на бок и разглядывая Розенталь, подмигнул здоровым глазом.

– Приходится признать, что выбора вы мне не оставили. Но вы не могли бы принести хоть какие-то рекомендации, что из вас выйдет толковый управляющий? Я все-таки ве-

рю в ваши руки все, что у меня осталось и составляет наследство сына, – она перешла на серьезный тон. Хотя прекрасно осознавала, что какие рекомендации может принести герцог? Он уж точно ни на кого, ни в какой должности не работал.

– Марьяна, признайтесь, что терять вам по большому счету уже нечего, графство со дня на день будет объявлено банкротом, – он тоже перешел на серьезный тон. Как ему не хотелось портить ее игривого настроения, но обстоятельства этого требовали. – Мое же герцогство процветает. И поверьте, я к этому имею прямое отношение. И послезавтра я обязательно принесу рекомендации от очень серьезных и уважаемых лиц. К сожалению, быстрее обернуться туда-сюда не успею. По рукам?

И что отвечать тому мужчине, который все так четко разложил по полочкам и при этом параллельно умудрялся играть с ее сынишкой, что Верес и не вспомнил о существовании мамы?

– Я согласна, – просто ответила Марьяна и крепко, почти по-мужски пожала руку Алана.

Глава 5

У Графини Розенталь были ровно сутки на то, чтобы принять окончательное решение. Она особо не ждала рекомендательных писем, которые Гольденброук обещал ей принести. Понятно, что герцогу достаточно обратиться к парочке друзей, рассказать о простодушной дурочке-графине, и они напишут все, что угодно. Это было неприятно. Но в ее жизни за последние три года произошло столько неприятностей, что она научилась не обращать на них внимание. Тем более что эти письма сама же и потребовала.

Поэтому женщина сутра собралась, нарядила Вереса в праздничный костюмчик и на вопрос:

– Мама, бду? – ответила утвердительно. Этим странным словом малыш обозначал выход на улицу.

Брин заранее получил приказ подготовить бричку. Но сегодня на его услуги в качестве кучера Марьяна не рассчитывала. Он ее уже однажды подвел, а теперь от орбургского общества скрывать было нечего. Она сама управлялась с лошадыю. И решила, что пусть общество принимает этот факт как хочет, ей уже все равно.

– Леди, а может все-таки я? – конюх виновато теребил шапку, не смея поднять глаз на хозяйку. В трезвом виде у него сохранились зачатки совести. Она на него не сердилась, принимая таким как он есть. Только все же решила его

участь не облегчать. Пусть немного помучается.

– Брин, я уже давно не маленькая девочка и лошадей управляю не хуже тебя, – пожалала она печами. – И сегодня не вижу смысла соблюдать какие-то условности. Так что занимайся делом. Лучше стойло подлатай. Совсем ворота прохудились. Скоро Звездочка пойдет гулять, когда ей заблагорассудится, а не когда нам с тобой будет нужно.

Конюх тяжело вздохнул, подобрал валявшуюся рядом с конюшной бесхозную доску, а Марьяна хлестнула вожжами и направила лошадь в сторону дома Шмоловичей.

Именно в этом рассаднике сплетен и слухов она решила выловить информацию о своем потенциальном управляющем.

Мадам Шмолович принимала гостей с раннего утра, чтобы поддержать свое реномэ хозяйки лучшего светского салона. Простое слово «репутация» Сару не устраивало. Она любила использовать словечки, которые где-то слышала краем уха и которые не были в ходу у широкой публики. И благодаря этому реномэ, Марьяна в десять утра прибыла в дом полный гостей.

– О, графиня, какой приятный сюрприз! – она встретила гостью у ворот особняка, как раз в этот миг провожая кого-то из уже уходивших. Для мадам это был действительно сюрприз, и действительно приятный. Отсутствие денег у Розенталь никого не волновали. Она же в любой миг могла выскочит замуж за денежный мешок. Миловидная внешность

и титул этому способствовали. Говорили, что барон Вишлес с радостью готов на ней жениться, не смотря на наличие сына. – Я рада, что вам у нас понравилось, и вы решили нанести еще один визит! О, и очаровательный малыш с вами? Но сегодня няньки у нас нет. Не заскучает ли он?

Шмолевич еще не придумал, как реагировать на присутствие ребенка. И сейчас соображала на ходу. Обычно дамы детей с собой не приводили. Это было как бы негласное правило. Но для леди с высоким титулом все же решили сделать исключение. И она продолжила свой монолог, вышагивая рядом с гостьей:

– Но если сынуля будет вам мешать, я могу попросить личную горничную за ним присмотреть!

– Благодарю, мадам! – кивнула в ответ Марьяна. – Но, во-первых, я не на долго. А во-вторых, Верес привык везде меня сопровождать и мешать не будет.

– Совсем как моя Берточка! – Шмолевич согласно закивала, трясая своими кудельками из волос. Берточкой звали болонку мадам, которую она везде с собой таскала. Первым порывом Марьяны был обидеться на столь нелестное сравнение. А затем она передумала, руководствуясь принципом, что не стоит обижаться на недалеких женщин. Они твоей обиды не поймут. Зато получилось совсем по-гольденбруковски. Это он любил считать и загибать пальцы, начиная, почему-то, с указательного. Когда простые люди первым делом загибали большой.

Графиня подхватила сына на руки и решительно шагнула в прохладный холл дома Шмоловичей. Ей очень хотелось верить, что здесь она найдет всю необходимую информацию.

Дамы, сидевшие в просторном холле, разом повернули голову в сторону дверей. Обычно они (головы) тут же возвращались обратно, но сегодня задержались, пытаясь удовлетворить свое любопытство: зачем сюда пожаловала столь высокопоставленная особа?

Никого не интересовало тяжелое материально положение графини. А тот факт, что она сама правила лошадю, списывали на ее некоторую эксцентричность. Тем более она успела удивить общество, родив этого милого рыжеволосого карапуза, который сейчас вышагивал рядом с ней, держась за мамин палец, и с любопытством разглядывая незнакомых тётей.

– Марьяна, вы же позволите вас так называть? – Сара Шмолович семенила рядом, стараясь успеть за широким шагом графини. Работающая леди напрочь растеряла мелкий шаг светских львиц. – Позвольте предложить вам чай? А малышу мы можем подать стакан молока. Он молоко пьет?

Получив утвердительный ответ, гостью усадили за один стол со старухой Ардон и длинноносой Принст. Она обрадовалась, так как Регина ей нравилась, а Принст выдавала столько сплетен за одну минуту, что в этих мутных водах можно было выловить что-то стоящее и похожее на правду.

– Здравствуйте! – поприветствовала знакомых женщин

Марьяна, усаживаясь рядом и пристраивая сына на свободный стул. Держать на коленях пьющего молоко Вереса она не рискнула. В молоке могли оказаться и колени, и платье, не говоря уже про ребенка.

– Доброе утро! – Принст чопорно сложила губы. Зато Ардон искренне ей обрадовалась:

– А Гольденброук сегодня придет? – неожиданно спросила старуха. Она ничего такого не имела в виду, просто прикидывала, каким образом можно выиграть золотой. С постоянных посетительниц салона монету было не вытрясти, с Марьяны тем более.

А Марьяна, не подумав, ответила:

– Точно нет! Он сегодня уехал домой. Будет только завтра.

Лицо Регины расплылось в улыбке. Слова молодой женщины обозначали то, что эти двое продолжили общение. А она желал им обоим счастья. А вот брови Принст взметнулись вверх:

– Вы с Аланом на столь короткой ноге, что в курсе его дел?

– Что вы, нет, – тут же смутилась графиня и порозовела. – Просто у нас с ним завтра деловая встреча.

– Странно, герцог поехал так далеко, аж до самого Тарингоффа, чтобы вернуться за один день обратно! – проворчала Принст.

«Ага, вот и первая рыбка!» – обрадовалась Марьяна. Получалось, что Гольденброук родом из этой таинственной горной страны. Чужаков туда не пускали, да и жители обычно

не выезжали за её пределы. Странно, что он живет в Орбурге. Цель визита начинала оправдываться.

– Мало ли какое срочное дело у него может быть! – глаза Ардон хитро блеснули. – Документы какие забрать или перстень родовой, например.

– Родовой перстень? – округлила глаза Принст. – Да он десять лет не женился и еще столько же не женится. Говорят, что в его жизни произошла трагедия, и он дал обет безбрачия. Да и с финансами у него все хорошо, жену с приданным искать не обязательно.

Биография Алана вырисовывалась очень интересная. Так можно и поверить, что он действительно хочет податься в управляющие от скуки.

– А здесь он где живет? Или останавливается в гостиницах? – графин рискнула задать наводящий вопрос, радуясь. Как она удачно присела за их столик.

Тут им принесли чай и молоко для юного графа. Верес поднял свои синие глазенки и поинтересовался у мамы:

– Потянька?

Произведя накануне сложные вычисления, большую мысленную работу и методом проб и ошибок леди Розенталь удалось выяснить, что «потянька» – это сметана, очень сильно любимая ребенком. Она погладила мальчика по рыжим кудряшкам и покачала головой:

– Нет, дорогой мой, это молочко. Пей!

Верес горестно вздохнул, что его ожидания не оправда-

лись, и начал пить, стараясь не разлить содержимое стакана. На счастье мамы все осталось чистым.

– Какой милый малыш! – умилилась Ардон. – Только говорит пока лишь с переводчиком. Хотя, мои такими же были.

– У тебя дети есть? – ахнула Принст, смешно сморщив свой птичий нос. И к Марьяниному сожалению, беседа потекла в другом русле. Она еще немного посидела и засобиралась домой. Сын устал сидеть за столом, несмотря на листочек и карандаши, взятые с собой, и уже хотел побегать. Но отпускать его в салоне Шмолевич было слишком рискованно. Баронесса расставила на всех горизонтальных поверхностях всевозможные статуэтки и вазочки, протираемые ежедневно многочисленной прислугой от пыли. А ребенок находился как раз в том возрасте, когда любят скидывать все на пол и смотреть, как вещи планируют вниз. А если бьются, это вообще куча восторгов и виноватые глазки на мамину ругань. Только эти глазки вряд ли годятся на компенсацию ущерба хозяйке дома.

Графиня начала прощаться. А старуха неожиданно встала и, тяжело опираясь на клюку, сказала:

– Пойдем, я тебя провожу до дверей! – чем вызвала удивление молодой женщины. Уже у выхода на улицу, Регина усмехнулась и сказала:

– Я поняла, за какой информацией ты приходила. Слишком легко эмоции считываются на твоём лице. Так вот, у него

шикарное поместье в пригороде Орбурга, которое работает как часы. Он богат, родственников в столице не имеет и ему около сорока лет.

Марьяна покраснела второй раз за утро, но подумав, все же спросила:

– А что за трагедия, о которой все говорят, с ним произошла?

– Я точно не знаю, но краем уха слышала, что у него погибла вся семья. Именно тогда он поседел. А то, что он любит всех женщин подряд, ты девочка не верь. Это лишь маска, за которой он прячет свою трагедию. Или, возможно, пытается таким образом компенсировать уродство. – старуха хитро подмигнула, похлопала графиню по плечу и погладила Вереса по голове. Малыш удивленно посмотрела на «бабушку», но не заплакал.

Визит прошел даже лучше, чем Марьяна рассчитывала. Она сделала главный вывод: с Аланом Гольденброуком можно и нужно сотрудничать, несмотря на море тайн и загадок.

Ровно в назначенное время герцог Гольденброук появился на пороге дома Розенталей.

– Доброе утро! – мужчина отвесил легкий поклон, не спрашивая разрешения прошел в комнату и водрузил на стол темно-коричневую папу с документами. – Вот, как и обещал, привез рекомендательные письма!

С этими словами он порылся в бумагах и достал три гербовых листочка и передал их будущей хозяйке. То, что она

его возьмет, Алан не сомневался. Слишком плохи были дела в графстве, чтобы отказываться от квалифицированной помощи. Марьяна приняла письма и с любопытством развернула первое:

Рекомендую герцога Алана Гльденброука Тарингоффского как лучшего управляющего на всей материке Он наделен уникальными качествами порядочности, добросовестности и прекрасным математическим складом ума, что позволяет производить стратегическое планирование будущих работ.

Дальше все было в том же духе на весь лист с обеих сторон. А внизу стояла размашиста подпись с расшифровкой: *Герцог Алан Гольденброук Тарингоффский.*

– Вы дали рекомендательное письмо самому себе? – женские брови удивленно взметнулись вверх.

– Да, – он утвердительно кивнул. – Скажите, разве может быть кто-то, кто лучше знает человека, чем он сам?

Марьяна улыбнулась. Ее порадовал факт того, что он не пошел к знакомым за липовыми документами. Это было честнее и порядочнее. Хотя, два других письма она еще не изучила.

– Надеюсь, остальное написано кем-то другим, ваша светлость, или тоже результат вашего творчества? – уточнила она с ухмылкой.

– Обижаете, графиня, – седая голова отрицательно качнулась. – Я же знаком с правилами делопроизводства и рабо-

тодательства. И отдаю себе отчет в том, что письма должны быть от трех независимых людей.

Она не стала уточнять, что не просто людей, а работодателей. Только в данный момент Марьяна уже решила, что возьмет его с испытательным сроком. Для солидности. И развернула второй лист, машинально скосив глаза на подпись. Почерк был корявый, человека явно не учили чистописанию в аристократической школе. Да и написанное это подтвердило:

Базиль Перст, конюх его светлости герцога Голденброука Тарингоффского.

Конюх, естественно, хвалил своего хозяина, отмечая море положительных качеств Алана. Графиня ничего не сказала, прочитав послание, а лишь приподняла вопросительно бровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.